

ОЦЕНКИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОБЗОРЫ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ● КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

Коррида

А как же иначе назвать эти заметки? И не зря же это слово возникает в фильме! Настоящая коррида, где оба — режиссер и героиня — видят себя тореадором, вот что такое фильм «Майя Плисецкая: знакомая и незнакомая».

Представление диктора, как всегда выдержанное в тонах торжественных и напыщенных, обещало встречу с Героем Социалистического Труда, народной артисткой СССР. Сколько однообразно-аполлогетических лент прошло перед нашими глазами после таких представлений. Высокое искусство. Высокое предназначение. Одно слово — небожители!

А здесь — все наоборот. Фильм начинается со стычки, фильм начинается так, что диву даешься, как он вообще состоялся, как был сделан, доснят, наконец, и почему одна из сторон — режиссер Борис Галантер и балерина Майя Плисецкая не прекратили однажды эту изнуряющую битву. Режиссер хотел, чтобы в фильме подлинным открытием стала личность Плисецкой; Плисецкая же считала, что режиссер хочет сделать фильм «для консержек». Замечательное содружество!

Но, наверное, именно потому, что в картине встретились две личности, этот фильм и состоялся.

«Судьба — это характер» — так говорит Плисецкая, имея в виду прежде всего себя и свою судьбу. Повторяет, кстати, эти слова в фильме дважды подряд. Зачем же понадобилось режиссеру вставлять в картину два практически одинаковых дубля? Чтобы подчеркнуть искренность балерины? Или дать понять, что суждения скрупулезно взвешены? Решать зрителю. Но характер виден в фильме сполна, отнюдь не гладкий, не ангельский, далекий от того изысканно традиционного образа балерины «вообще», к которому мы привыкли (вернее, нас приучили). Об этом фильме трудно писать, потому что сама Плисецкая сказала о себе очень много — раскрывать нечего: «я не мечтатель, а реалист», «если я сомневаюсь, я не делаю». «Я сорок лет провела в вой не». Но в подробности этих «сомнений» и «войн» зритель не посвящает. Кажется, героиня раскрывает себя с беспощадной искренностью, но, видя перед собой такой характер, начинаешь думать, что вряд ли он раскрылся до конца. Там еще много много чего осталось не замеченного камерой, запрятанного в такие глубины, куда никому не пробраться.

В фильме нет диалога. Режиссер вроде бы удовлетворялся скромной должностью интервьюера. Он ставит короткие, простые в формулировках вопросы. Но подбирает их очень точно — и так же точно монтирует с балетными сценами: они дополняют, открывают то, что недосказано в кадре.

Перед нами складывается

судьба-характер женщины, познавшей всемирную славу, непреодолимый успех, восторг, все высоты признания и отдающей себе в этом отчет. Она имеет право делать то, что делает: нравится это кому-то или не нравится. Например, демонстрировать модели от Кардена, не превращаясь в манекенщицу. Меняется иерархия, видная от «низов лестницы»: это не ей нужен Карден, а она нужна Кардену. У него каждое платье — «подписное», а у нее, все, что ни сделает, — сделано Майей Плисецкой. Она может, забросив пачку умирающего лебедя, танцевать джазовую импровизацию. Она может сказать, что балерина, имеющая детей, уже не принадлежит полностью искусству. Имеет право, потому что сама его заслужила. И с этим следует считаться, хотя соглашаться вовсе не обязательно.

Плисецкая на одни вопросы отвечает подробно, на другие — коротко, от третьих уклоняется вовсе. Вроде бы получается, что она лидер, за которым послушно идет режиссер. Она может выкинуть из фильма эпизод (об этом говорит режиссер), она может сказать что-то про дурной свет и наконец выразить после многих дней съемки свое доверие оператору Анисимову. Она призывала быть лидером — именно потому и состоялась ее судьба. Но... Согласившись сняться в фильме, балерина вступила на чуждую ей территорию, где хозяин, знаток, распорядитель — кинорежиссер. Именно он, выведя фильм из сумбура первых кадров, первых стычек, сломал «заслон» и заставил ее рассказать обо всем, что хотел услышать сам, и пред-

ставил ее на экране такой, какую узнал во время съемок, и, может быть, не такой, какой она сама себя видит.

Так кого же объявить тореадором в этой корриде?

Отвечая на один из вопросов режиссера, Майя Михайловна Плисецкая сказала: «Я хочу, чтобы после этого фильма меня не спрашивали: когда же появится о вас что-нибудь достойное?».

Вот и появилось. Возможны иные варианты — придет другой режиссер, снимет посвоему. Но то, что мы узнали, — это образ, созданный Борисом Галантером, увиденная именно им личность, в которой и для нас незнакомо-го стало чуть меньше.

Л. ПОЛЬСКАЯ.